

<https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-2-238-248>
EDN: PNXZNY

Научная статья / Research article

Коллективные хозяйства черноземной деревни России периода новой экономической политики

Вадим Павлович Николашин ^a, Владимир Борисович Безгин ^b,
Александр Борисович Оришев ^c

^a Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия

^b Тамбовский государственный технический университет, Тамбов, Россия

^c Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева, Москва, Россия

 nikolashin.vadim@yandex.ru

Аннотация: Рассматривается проблема развития коллективных хозяйств в деревне губерний Центрального Черноземья России. Установлены особенности восприятия крестьянством новых форм сельскохозяйственного производства, а также дана оценка их состояния. Осуществлен анализ поведенческих моделей различных социальных групп деревни в ходе колхозного строительства. Новизна исследования заключается как в постановке проблемы, так и в использовании материалов региональных и центральных архивов. Ряд документов вводятся в научный оборот впервые. Они содержат сведения о развитии коллективных хозяйств и оценки их эффективности крестьянами, а также данные о влиянии советской власти в период НЭПа на жизнедеятельность артелей, коммун и ТОЗов. Авторами изучены основные аспекты развития коллективных хозяйств: их социальный состав, проблемы и динамика развития, причины ликвидации, численность. В результате проведенного исследования сделан вывод о том, что в период новой экономической политики практически у всех категорий крестьян центрально-черноземных губерний России наблюдался вполне рациональный пессимизм в отношении коллективных хозяйств вне зависимости от их формы (артели, коммуны, товарищества по совместной обработке земли), что отразилось на их развитии в регионе.

Ключевые слова: колхозное строительство, аграрные преобразования, аграрная история, советское крестьянство, аграрная политика в 1920-е гг.

Вклад авторов: Все авторы внесли равный вклад в исследование и написание статьи, ознакомились с окончательным текстом и несут равную ответственность.

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Николашин В.П., Безгин В.Б., Оришев А.Б. Коллективные хозяйства черноземной деревни России периода новой экономической политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2025. Т. 24. № 2. С. 238–248. <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-2-238-248>

Collective Farms of Black-Earth Villages in Russia during the New Economic Policy Period

Vadim P. Nikolashin ^a , Vladimir B. Bezgin ^b ,
Alexander B. Orishev ^c

^a Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russia

^b Tambov State Technical University, Tambov, Russia

^c Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy,
Moscow, Russia

 nikolashin.vadim@yandex.ru

Abstract: The authors consider the problem of the development of collective farms in the villages of the provinces of the Central Black Earth Region. The peculiarities of the peasants' perception of the new forms of agricultural production are shown with their article, and an assessment of the villages of those peasants is also given. The authors analyze the behavioral models of various social groups in villages in the course of collective farm construction. The novelty of the research consists in both its thesis and the use of materials from regional and central archives; a number of documents are introduced into scientific use for the first time. They contain information about the development of collective farms, assessments of their effectiveness by peasants, and the influence of Soviet power during the New Economic Policy (NEP) period on the activities of artels, communes and agricultural associations. The authors studied the main aspects of the collective farms' development: their social composition, problems and dynamics of development, reasons for liquidation, and size. As a result of the study, it was concluded that in the NEP period members of collective farms of the Central Black Earth Region had conflicting interests, a conflict which affected the course of their development. At the same time, practically all categories of peasants were pessimistic towards artels, communes, and partnerships as strategies for joint cultivation of their land.

Keywords: collective farm construction, agrarian reforms, agrarian history, Soviet peasantry, agrarian policy in the 1920s

Authors' contributions: All authors contributed equally to the research and writing of the article, reviewed the final text and bear equal responsibility

Conflicts of interest: The authors declare no conflicts of interest

For citation: Nikolashin, V.P., Bezgin, V.B., Orishev, A.B. "Collective Farms of Black-Earth Villages in Russia during the New Economic Policy Period." *RUDN Journal of Russian History* 24, no. 2 (May 2025): 238–248 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2025-24-2-238-248>

Введение

Актуальность. Проблема развития коллективных хозяйств в черноземной деревне в период НЭПа содержит большой исследовательский потенциал. Изучая вопрос формирования и развития артелей, коммун и товариществ по общественной обработке земли, можно выявить в том числе ключевые аспекты и социально-экономические противоречия повседневной жизни крестьянства.

Степень изученности проблемы. Обращаясь к историографии изучаемой проблематики, необходимо выделить ряд ключевых работ, посвященных теме развития коллективных хозяйств в губерниях Черноземного центра (Орловской, Воронежской, Тамбовской и Курской).

Для советской историографии вплоть до 1980-х гг. была характерна позитивная оценка деятельности первых коллективных хозяйств. В научных трудах этого периода обосновывался вывод о превосходстве коллективных хозяйств над другими формами аграрного производства, развивался тезис о широком интересе беднейших слоев деревни к их деятельности. Ошибки, совершенные в начальные годы советской власти в области аграрных преобразований, объяснялись условиями, в которых создавались колхозы, трудностью процесса реорганизации, особенностями хозяйственного уклада и общественного быта села. Одной из значимых работ

советского периода стала монография В.В. Гришаева о коммунах в Советской России¹. Существенный вклад в изучение исследуемой проблемы внес В.П. Данилов, изучавший советскую доколхозную деревню, включая развитие коллективных хозяйств в период НЭПа².

Современный этап изучения проблемы отмечен выходом в свет двух монографий С.А. Есикова³. В них автором проведен всесторонний анализ социальных и экономических аспектов деятельности коллективных хозяйств период НЭПа в черноземной деревне. И.В. Гончарова обращается к опыту формирования коллективных хозяйств, рассматривая их как способ приспособления крестьян к новым реалиям⁴, называет это «советскими экспериментами», импровизацией, которая осуществлялась на фоне хозяйственной разрухи, ставшей следствием глубоких социальных потрясений (революции, Гражданской войны, крестьянских мятежей)⁵.

А.Н. Пахомов и В.Ю. Байбаков утверждают, что в большинстве коллективных хозяйств аграрное производство велось с помощью традиционного деревенского инвентаря. А пополняли колхозы в основном беднейшие крестьяне, что отражалось как на материальном положении таких объединений, так и на организации трудовых процессов⁶. Историк А.А. Выгузов, основываясь на материалах Инжавинской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии, приходит к выводу, что накануне «великого перелома» коллективные хозяйства развивались медленно и поступательно⁷. На слабость колхозов периода НЭПа и их неспособность эффективно работать в новых реалиях обращают внимание П.В. Никулкин и М.М. Есикова⁸. Рост числа колхозов в Тамбовской губернии в 1920-е гг. В.А. Дубовицкий связывает с административным нажимом на деревню советской власти. По его мнению, для достижения значимых результатов необходимы были качественно более высокие уровни технической оснащенности коллективных хозяйств и культуры населения⁹.

Таким образом, в отечественной историографии проанализированы основные процессы организации и деятельности коллективных хозяйств в 1920-е гг. При этом сохраняются отдельные вопросы, требующие специальных научных изысканий.

¹ Гришаев В.В. Сельскохозяйственные коммуны Советской России 1917–1929. М., 1976.

² Данилов В.П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М., 1979. EDN: RGMJGJ

³ Есиков С.А. 1) Крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа (1921–1928 гг.): Монография. Тамбов, 2004. EDN: QQEMSN; 2) Российская деревня в годы нэпа: К вопросу об альтернативах сталинской коллективизации (по материалам Центрального Черноземья). М., 2010. EDN: QPOSRJ

⁴ Гончарова И.В. Коллективные хозяйства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // Экономическая история: ежегодник. 2009. С. 235. EDN: YJCDHT

⁵ Гончарова И.В. В преддверии коллективизации: опыт колхозного строительства Центрального Черноземья в 1920-е гг. // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 7. EDN: LDGDVZ

⁶ Пахомова А.Н., Байбаков В.Ю. Коллективизация и сельское общество Центрально-Черноземного региона (на примере Курского края) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2012. № 2. С. 172. EDN: RBQZZZ

⁷ Выгузов А.А. Особенности развития коллективных хозяйств в реконструктивный период нэпа (на примере Инжавинской волости Кирсановского уезда Тамбовской губернии) // Проблемы аграрной истории России. Материалы V Всероссийской научной конференции (памяти профессора В.М. Важинского). Липецк, 2023. С. 149. EDN: LIOMCS

⁸ Никулкин П.В., Есикова М.М. Сельскохозяйственная кооперация в Тамбовской губернии в первые годы советской власти (1917–1922 гг.) // Вопросы современной науки и практики. Университет им. В.И. Вернадского. 2015. № 2. С. 153. EDN: TUWFGH

⁹ Дубовицкий В.А. Состояние колхозов и их влияние на крестьянское хозяйство Тамбовской губернии в годы нэпа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2009. № 2. С. 36. EDN: MUNNCT

Целью данного исследования является определение особенностей создания и развития коллективных хозяйств Черноземья.

Источниковой базой исследования являются материалы, хранящиеся в фонде «Всесоюзный союз сельскохозяйственной кооперации по переработке, производству и сбыту зерновых и масличных культур» (Ф. 4108) Российского государственного архива экономики и в фонде «Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС)» (Ф. 17) Российского государственного архива социально-политической истории.

При подготовке исследования также были использованы документы фонда «Курский губернский комитет Всесоюзной Коммунистической партии (большевики)» (Ф. П-65) Государственного архива общественно-политической истории Курской области, «Елецкое земельное уездное управление исполнительного комитета Елецкого уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (Р-150) и «Задонский земельный уездный отдел исполнительного комитета Задонского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов» (Р-93) Государственного архива Липецкой области. Привлечены документы фонда «Воронежский губернский комитет ВКП(б)» (Ф. 1) и «Областной комитет ВКП(б) Центрально-Черноземной области» (Ф. 2) Государственного архива общественно-политической истории Воронежской области.

Также при написании статьи были использованы материалы фонда Тамбовского губернского комитета ВКП(б) (Ф. П-840) и Тамбовского уездного комитета ВКП(б) (Ф. П-842) Государственного архива социально-политической истории Тамбовской области; Исполнительного комитета Тамбовского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (губисполком) (Ф. Р-1) Государственного архива Тамбовской области.

Методология. При подготовке статьи были использованы как традиционные, общенаучные методы, так и междисциплинарные подходы. Также авторы опирались на такие научные принципы, как объективность, научность и историзм. Ключевым положением в методологии данного исследования является теория модернизации, согласно которой глубинные изменения происходят под влиянием поступательных социально-экономических преобразований.

Традиционная деревня и коллективные хозяйства в 1920-е гг.

В процессе развития коллективных хозяйств в Советской России следует выделить три этапа. Первый этап (1917/1918–1920 г.) связан с формированием коммун и артелей. На данный период приходится не только процесс их становления, но и Гражданская война. Развитие данных форм хозяйствования шло под флагом «красногвардейской атаки на капитал» и в рамках политики «военного коммунизма». Второй этап (1921–1928 гг.) позволил создать условия не только для развития таких коллективных хозяйств, как коммуны и артели, но и для роста численности ТОЗов. При этом новые формы сельскохозяйственного производства, по мнению архитекторов советской аграрной политики, должны были соседствовать с крестьянами-индивидуалистами для демонстрации преимущества первых. Этот посыл формировал предположение в управленческой среде о развитии массового движения, направленного на резкий рост добровольного вступления в коллективные хозяйства. Третий этап колхозного строительства – этап становления колхозного строя, начавшийся с 1929 г. – года «великого перелома». Именно тогда начались глубинные изменения в традициях, сохранявшихся в патриархальной деревне. Эти явления привели к слому устоявшихся аграрных вех. Финальная «резолуция» судьбе общины была вынесена в 1935 г., когда был утвержден второй Примерный устав сельскохозяйственной артели.

В первые годы НЭПа производственная кооперация в черноземной деревне в основном развивалась за счет ТОЗов. Эти производственные объединения, в отличие от сельскохозяйственных артелей и коммун, встречали наибольшую поддержку у сельских тружеников. В 1922 г. в Тамбовской губернии действовало 583 ТОЗа, 119 сельхозартелей, 5 коммун. Эти процессы были характерны и для второй половине 1920-х гг.

Динамика различных форм коллективных хозяйств во второй половине 1920-х гг. представлена в таблице.

Таблица / Table

Доля различных форм коллективных хозяйств Центрального Черноземья в 1925–1928 гг. /
The share of various forms of collective farms in the Central Black Earth Region in 1925–1928

Годы / Years	Коммуны / Communes		Артели / Artels		ТОЗы / TOZs		Всего / Total
	Всего / Total	%	Всего / Total	%	Всего / Total	%	
1925	76	5,6	452	33,2	833	61,2	1361
1926	89	6,5	610	44,5	672	49,0	1371
1926/27	72	5,0	615	42,8	750	52,2	1437
1927/28	92	3,3	564	20,1	2168	76,6	2824

Источник: ГАОПИВО. Ф. 1. Оп.1. Д. 2313. Л. 22–24.

Source: GAOPIVO, f. 1, op., d., 2313, l. 22–24.

Как показывают данные таблицы, удельный вес коммун в общем числе коллективных хозяйств с 1925 по 1928 гг. снизился. Аналогичная тенденция наблюдалась и с артелями. Напротив, среди ТОЗов отмечался поступательный рост их числа. В относительных показателях он достиг 76,6 % к 1928 г.

Таким образом, несмотря на материальную и пропагандистскую поддержку, коммуна как форма совместной трудовой деятельности широкого распространения не получила. Так из 49 коммун, организованных в 1919 г. в Курской губернии, в 1926 г. действовала только одна. Большинство директивно созданных коллективных хозяйств оказались нежизнеспособны. Обследование, проведенное в воронежской деревне в конце 1924 г., выявило, что из 357 зарегистрированных колхозов действовало фактически 103, из которых коммун было всего лишь 9¹⁰.

В большинстве своем российская деревня не была готова к организации колхозов. Это признавалось и их организаторами. В качестве главной причины называлось равнодушие крестьян к новой хозяйственной форме, а именно что «непонятен и идеологически неприемлем потребительский коммунизм, иначе говоря отсутствие материальной заинтересованности»¹¹.

Трудность становления коллективных хозяйств периода НЭПа заключалась в противоречии традиционных установок деревни и сути советских аграрных преобразований. Не случайно даже на официальных встречах и собраниях обсуждался данный вопрос. Так, 21–23 апреля 1922 г. в протоколе совещания секретарей ячеек и райорганизаторов Тамбовского уезда Тамбовской губернии в одном из выступлений отмечалось, что крестьянин по своей психологии прагматик, а потому он идет за тем, кто ему «практически помогает»¹².

¹⁰ Воронежская сельскохозяйственная жизнь. 1925. № 1. С. 4–5.

¹¹ Митрофанов А.Х. Колхозное движение (его прошлое, современные задачи и значение). М., 1927. С. 53.

¹² Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области (далее – ГАСПИТО). Ф. П-842. Оп. 1. Д. 464. Л. 6.

Собственническая «натура» крестьянина, естественно, порождала стремление индивидуализировать свое хозяйство¹³. И, как отмечают В.В. Бабашкин и И.В. Гончарова, в 1920-е гг. в черноземной деревне стали возникать разнообразные крестьянские коллективы и объединения в сугубо прагматических целях в рамках приспособления к государственной политике¹⁴.

Коллективные хозяйства: социальный состав, внутренние противоречия и динамика их развития

Социальный состав коллективных хозяйств оказывал непосредственное влияние на процесс их становления и развития, характер деятельности. Преобладание или даже некоторое увеличение в составе коллективного хозяйства той или другой социальной группы, преобладание родственников создавали условия для формирования «лжекоммун», «лжеартелей» и др.

Именно социальный баланс позволял развивать коллективные хозяйства в логике той парадигмы, которая насаждалась советской властью в деревне в период НЭПа.

Коллективные хозяйства в этот период по социальному составу были преимущественно бедняцкими. По сведениям А.Х. Митрофанова, по состоянию на январь 1926 г. в 211 обследованных коллективных хозяйствах безлошадные крестьяне составляли 36–37 %; бескоровные – 21–23 %¹⁵.

Социальный состав членов сельскохозяйственной кооперации за 1926 г. в Тамбовской губернии был следующим: бедняки – от 32 до 56 %, середняки – от 40 до 59 %, зажиточные – от 4 до 8 %. В орловской деревне в 1927 г. бедняцкие хозяйства составляли в колхозах 43,8 %. В этом же году каждый четвертый член курского сельхозкооператива был безлошадным, а в воронежских колхозах беднота составляла 68 % от общего числа их членов¹⁶. К 1928 г. в черноземной деревне численность зажиточных крестьян в коллективных хозяйствах возросла с 5,5 до 12 %¹⁷. Этот процесс был обусловлен кредитной политикой, льготами в сфере налогообложения, поддержкой артелей, коммун и ТОЗов в сфере мелиоративных работ, землеустройства, их снабжением различной сельскохозяйственной техникой. Но в целом в черноземной деревне в коллективных хозяйствах по-прежнему преобладала беднота.

Острые противоречия в деревне возникали в ходе выделения и перераспределения земельных угодий между общинами, с одной стороны, и коллективными хозяйствами, с другой. Особенно часто это проявлялось накануне и в первые годы НЭПа, когда традиционная деревня после «общинной революции» имела существенные возможности в противостоянии государству. В качестве примера приведем случай, который произошел 7 марта 1921 г. в Задонском уезде Воронежской губернии. В местный землеустроительный отдел поступил доклад от землемера Зотова. Он сообщал о том, что при подготовке дела о выделе земли вновь организовавшейся артели «Светоч» в с. Черниговка (Александровка) ему пришлось столк-

¹³ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня. Население, землепользование, хозяйство. М., 1979. С. 144. EDN: RGMJGJ

¹⁴ Бабашкин В.В., Гончарова И.В. Эволюция взаимодействия крестьянского двора и коллективных хозяйств в 1920 – начале 1930-х гг. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 2016. № 1. С. 357. EDN: ZBYCCF

¹⁵ Митрофанов А.Х. Колхозное движение... С. 48.

¹⁶ Коммунист. Тамбов, 1926. № 13. С. 26; Государственный архив общественно-политической истории Курской области (далее – ГАОПИКО). Ф. П.-65. Оп. 1. Д. 645. Л. 6; Государственный архив общественно-политической истории Воронежской области (далее – ГАОПИВО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2200. Л. 12; Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 4108. Оп. 7. Д. 10. б/л. 17.

¹⁷ Гончарова И.В. Коллективные хозяйства... С. 231.

нуться с протестом местных жителей. Крестьяне были против того, чтобы члены коллективного хозяйства получили землю в указанном артельщиками месте. Из-за этого у общины формировалось дальнеземелье. Землеустроитель же предлагал удовлетворить просьбу артели¹⁸.

Еще один пример. Обследование 1927 г., проведенное в Козловском уезде Тамбовской губернии, продемонстрировало, что из 74 коллективных хозяйств 61 было сформировано на землях частных владельцев и только 13 – на общинных угодьях.

Крестьянский менталитет противоречил утверждающимся советским новациям. Выстраивая экономические отношения с государством, жители черноземной деревни имели собственные скрытые мотивы и недекларируемые интересы, формировавшие особенные модели поведения. Если же крестьянин-прагматик видел пользу от коллективного строительства, то мог идти на компромиссы и риски. Так, в Воронежской губернии в 1927 г. отмечался «быстрый переход единоличн[иков] в колх[озы]»¹⁹ по причине того, что это позволяло провести землеустроительные работы²⁰, в которых местные земледельцы видели реальную пользу.

Крестьяне также прибегали к созданию «лжеколхозов» для последующего использования выделенных угодий «по-старому», как единоличники. В выписке из протокола № 23 Становлянского вика Елецкого уезда Орловской губернии от 17 июня 1924 г. отмечалось, что Сальковская артель при деревне Тростном была организована в 1918 г. После этого крестьяне произвели раздел земли и инвентаря²¹. В Козловском уезде Тамбовской губернии малоземельные крестьяне Воробьевы, обогатившиеся на промыслах, в 1904 г. приобрели сорок десятин земли. Поэтому для того чтобы сохранить свой участок от общинного передела, они в 1920 г. создали коллективное хозяйство «Новый путь»²².

Для зажиточной части деревни коллективные хозяйства являлись конкурентами за контроль над местными ресурсами. Поэтому они вели антисоветскую агитацию против нововведений, землеустроительных кампаний, оказывали давление на советских активистов и т.д. Так, при создании колхоза «Борьба» в селе Кянда Тамбовского округа были избиты землеустроители. В Больше-Берницком районе Белгородского округа периодически уничтожались знаки на границах угодий коллективного хозяйства²³.

Государство стремилось взять под контроль процесс развития коллективных хозяйств. Для этого применялись такие меры как проверки, реорганизации, ликвидации, чистки и другие. Так, 9 декабря 1925 г. секретарь Тамбовского губкома Бирн на XVII губернской партконференции, говоря о вновь созданной из коммуны «Беднота» артели, предлагал вести работу по просьбе местных партийных органов вне плана²⁴, то есть больше контролировать процессы, происходившие в коллективных хозяйствах. 16 октября 1924 г. на совещании представителей Елецкого уездного земельного управления и союза сельскохозяйственных и кредитных кооперативов по вопросу содействия развитию и укреплению сельскохозяйственных коллективных объединений было признано их тяжелое положение. Для изменения ситуации предписывалось усилить работу среди коллективов, в срочном порядке провести их

¹⁸ Государственный архив Липецкой области (далее – ГАЛО). Ф. Р-93. Оп. 1. Д. 319. Л. 4.

¹⁹ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 631. Оп. 5. Д. 4. Л. 218 об.

²⁰ Там же.

²¹ ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 802. Л. 55.

²² Бабашкин В.В., Гончарова И.В. Эволюция взаимодействия... С. 358.

²³ Данилов В.П. Советская доколхозная деревня... С. 182.

²⁴ ГАСПИТО. Ф. П-840. Оп. 1. Д. 2634. Л. 134 об.

обследование, в том числе включая представителей волостного исполнительного комитета и участкового агронома²⁵.

В официальных документах достаточно часто встречается низкая оценка качества работы коллективных хозяйств. В отчете о работе Тамбовского уездного комитета партии за ноябрь 1923 г. отмечалось, что сельскохозяйственная кооперация в Тамбовском уезде была представлена 159 организациями с числом членов 4998 чел. При этом работа этих кооперативов требовала улучшения²⁶.

В Курской губернии низкий уровень материальной обеспеченности коллективного хозяйств также подтверждался данными обследования 21 организаций в 1925 г. Согласно этим материалам, на сто десятин пашни приходилось 10,5 лошадей рабочего возраста²⁷. Сложное положение наблюдалось и с сельскохозяйственным инвентарем. Его количество и качество были низкими, а трактора имелись только в одной коммуне и в единичном экземпляре²⁸.

Для коллективных хозяйств Черноземья периода НЭПа были характерны и другие проблемы, порожденные, по сути, временем и условиями создания. Государство не обладало достаточными экономическими ресурсами для эффективного развития коммун и артелей, традиционная деревня в основной массе также была не готова воспринять целый ряд социокультурных и технологических новаций. Поэтому происходило медленное обобществление производства, имелись трудности в накоплении неделимого капитала, преобладала уравнительность при распределении заработанных средств и очень редко встречались коллективы, имевшие организационные планы и другие отчетные документы. Это рождало бесконтрольность расходования поступающих средств и ресурсов, иждивенческие настроения у членов коллективных хозяйств²⁹. Таким образом, многие артели, коммуны и ТОЗы становились нежизнеспособными и впоследствии подлежали ликвидации или же самоликвидировались. Вложенные же в них средства впоследствии оказывались распределены внутри местных крестьянских сообществ.

В колхозах в течение 1920-х гг. накапливались также проблемы организационно-производственного характера. Например, в коммунах «Интернационал» и «Надежда» Воронежской губернии наблюдался недостаток запасных частей к тракторам, прицепах сложных сельскохозяйственных машин. Все это ограничивало возможности для их наиболее полного и рационального применения. Кроме того, не было налажено техническое обслуживание ремонтных мастерских и складов³⁰, наблюдались сложности в найме работников даже в условиях избытка предложения на рынке труда. Другим «слабым» местом деятельности воронежских коллективных хозяйств было нарушение ключевых принципов их работы. Они сдавали в субаренду крестьянам-единоличникам землю, предоставленную им ранее госфондом по завышенным ценам в 40–50 руб.³¹

Низкая эффективность коллективных хозяйств привела к такому положению, что на местах начали рассматривать вопрос их укрупнения. Тем же Елецким уком 6 октября 1924 г. из-за тяжелого экономического состояния коммуны «3-й Интернационал» было решено ежемесячно созывать совещания советов всех коммун для проработки вопросов о возможности их слияния³². 13 апреля 1929 г. на заседа-

²⁵ ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 802. Л. 180.

²⁶ ГАСПИТО. Ф. П-842. Оп. 1. Д. 670. Л. 6.

²⁷ Пахомова А.Н., Байбаков В.Ю. Коллективизация и сельское общество... С. 172.

²⁸ Там же.

²⁹ Бабашкин В.В., Гончарова И.В. Эволюция взаимодействия... С. 362.

³⁰ РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 4. Л. 221 об.

³¹ Там же. Л. 219.

³² ГАЛО. Ф. Р-150. Оп. 1. Д. 802. Л. 72.

нии деревенского совещания при отделе по работе в деревне Борисоглебского окружкома ВКП(б) некто Трусков предлагал организовать два крупных колхоза в округе на базе коммун «Новая деревня» и «2-е М.-Алабухи». В них планировалось объединить до 60 % бедняцких хозяйств³³. В дальнейшем данные планы начали реализовываться в форме укрупнения колхозов.

Подводя итоги, отметим, что в ходе новой экономической политики темпы развития сельскохозяйственной кооперации в черноземной деревне были значительными. Так, в Воронежской губернии в сферу ее деятельности было вовлечено порядка 13 % всей численности населения. Если на 1 января 1923 г. в Тамбовской губернии было зарегистрировано 597 сельхозкооперативов, то год спустя их насчитывалось уже 799 с численностью 29 071 чел. К весне 1924 г. 13 тыс. курских крестьян являлись членами низовой сети сельскохозяйственной кооперации. По данным за 1925 г., по уездам Орловской губернии было кооперировано 11,3 % сельского населения³⁴. В начале 1925 г. 15,2 % всех крестьянских хозяйств Тамбовской губернии состояло в сельскохозяйственной кооперации, а спустя два этот показатель достиг 22 %. В 1927 г. в сельхозкооперативы входило каждое четвертое крестьянское хозяйство Орловской губернии. В курской деревне в том же году охват производственной кооперацией селян составлял 18 %. Самый высокий показатель имела Воронежская губерния, здесь он составлял 30 %³⁵. Если сравнить региональные показатели с общесоюзными, то можно сделать вывод о том, что процент участия черноземного крестьянства в деятельности сельскохозяйственной кооперации был ниже, чем по стране.

Видимо, такое положение было вызвано мерами государственной поддержки (что отвечало интересам деревни и было признано крестьянином-прагматиком). В целом, лозунг Н.И. Бухарина «Обогащайтесь, развивайте свое хозяйство...!» соответствовал историческому моменту, фактически характеризовал общее настроение деревни середины и завершающего этапа НЭПа. Такие сдвиги свидетельствовали о том, что в традиционной деревенской среде наряду с патриархальными нормами и практиками все же начали появляться ростки, восприимчивые к технологическим и социальным новациям, требовавшим изменения мышления, ухода от инертности и вековых общинных традиций.

Выводы

Советские преобразования 1920-х гг. не внесли коренных изменений в хозяйственный уклад деревни и не привели к глубинным сдвигам в крестьянском земледелии. Новации не смогли разрушить традиционных производственных институтов. Община оставалась основной общественно-производственной формой объединения крестьян. В этих условиях лишь отдельные коллективные хозяйства демонстрировали пример эффективности, но при этом не могли коренным образом повлиять на общую культуру земледелия. Для преодоления технологической отсталости села большевики попытались вовлечь крестьян в артели и коммуны с тем, чтобы познакомить их с достижениями коллективных хозяйств.

Накануне перехода к политике сплошной коллективизации в черноземной деревне России начали организовываться колхозы на месте бывших коммун, артелей и ТОЗов, которые впоследствии заняли ключевые позиции в сельской местно-

³³ ГАОПИВО. Ф. 2. Оп. 1. Д. 657. Л. 19.

³⁴ ГАОПИВО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 202. Л. 9; ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2310. Л. 11об; Год работы губ. К.К. РКП(б). Орел, 1925. С. 49.

³⁵ Тамбовская правда. 1925. 31 марта; ГАТО. Ф. Р.-1. Оп. 1. Д. 1199. Л. 221; ГАСПИТО. Ф. 840. Оп. 1. Д. 2861. Л. 111; Д. 3094. Л. 23; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3542. Л. 336; Там же. Д. 3543. Л. 113; ГАОПИКО. Ф. П.-65. Оп. 1. Д. 638. Л. 25.

сти. И эти предшественники сталинских колхозов, ранее в добровольной форме осуществлявшие совместное ведение аграрного производства, должны были пройти существенную трансформацию прежде, чем стать теми видами аграрного производства, что были закреплены в Примерном уставе сельскохозяйственной артели 1935 г. Важный толчок такому резкому переходу дал внешнеполитический кризис 1927 г. По сути, он поставил в тупик систему НЭПа.

Развитие коллективных хозяйств в Черноземье в 1920-е гг. заложило фундамент в ход дальнейших глубинных трансформаций данного региона. В данный период патриархальная деревня использовала последнюю возможность для восстановления экономических позиций, ранее отнятых у нее государством.

Поступила в редакцию / Submitted: 15.03.2024

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing: 30.01.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 14.02.2025

References

- Babashkin, V.V., and Goncharova, I.V. "The evolution of interaction between the peasant household and collective farms in the 1920s–early 1930s." *Yearbook on the agrarian history of Eastern Europe*, no. 1 (2016): 357–364 (in Russian).
- Berlyavsky, L.G. "Formation of the state and legal foundations of the Soviet agrarian system (1917–second half of the 1930s): review of research." *State and Law*, no. 1 (2022): 188–202 (in Russian).
- Chuev, F.I. *Sto sorok besed s Molotovym* [One hundred and forty conversations with Molotov]. Moscow: TERRA Publ., 1991 (in Russian).
- Danilov, V.P. *Sovetskaia dokolkhoznaia derevnia: sotsialnaia struktura, sotsialnye otnosheniia* [Soviet pre-collective farm village: social structure, social relations]. Moscow: Nauka Publ., 1979 (in Russian).
- Dolzhenkova, E.V., and Penkov, S.S. "Social and legal changes in the social structure of the peasant population of the Kursk region (1917–1920)." *News of the South-Western State University. Series: History and Law* 7, no. 4 (2017): 191–200 (in Russian).
- Dubovitsky, V.A. "The state of collective farms and their influence on the peasant economy of the Tambov province during the NEP." *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, no. 2 (2009): 35–36 (in Russian).
- Esikov, S.A. *Krestianskoe khoziaistvo Tambovskoi gubernii v gody nepa (1921–1928 gg.): Monografiia* [Peasant farming in the Tambov province during the NEP years (1921–1928): Monograph]. Tambov: TGTU Publ., 2004 (in Russian).
- Esikov, S.A. *Russkaia derevnia v gody NEPa: k voprosu ob alternativakh stalinskoi kollektivizatsii (po materialam Tsentralnogo Chernozemiia)* [Russian village during the NEP years: On the question of alternatives to Stalinist collectivization (based on materials from the Central Black Earth Region)]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2010 (in Russian).
- Goncharova, I.V. "Collective farms of the Central Black Earth Region in the 1920s." *Economic History: yearbook* (2009): 221–237 (in Russian).
- Goncharova, I.V. "On the eve of collectivization: the experience of collective farm construction in the Central Black Earth Region in the 20s." *Scientific notes of the Oryol State University. Series: Humanities and social sciences*, no. 1 (2008): 7–15 (in Russian).
- Goncharova, I.V., and Chuvardin, G.S. "Communes of the Central Black Earth Region—from "war communism" to collectivization: plan and implementation." *Peasant Studies* 3, no. 4 (2018): 105–122 (in Russian).
- Grishaev, V.V. *Selskokhoziaistvennye kommuny Sovetskoi Rossii 1917–1929 gg.* [Agricultural communes of Soviet Russia 1917–1929]. Moscow: [N.s.], 1976 (in Russian).
- Knigosoiz Publ., 1927 (in Russian).
- Mitrofanov, A.Kh. *Kolkhoznoie dvizhenie (ego proshloe, sovremennye zadachi i znachenie)* [The collective farm movement (its past, modern tasks and significance)]. Moscow:

- Nikulkin P.V., and Esikova, M.M. "Agricultural cooperation in the Tambov province in the first years of Soviet power (1917–1922)." *Issues of modern science and practice. University named after Vernadsky*, no. 2 (2015): 148–156 (in Russian).
- Pakhomova, A.N., and Baibakov, V.Yu. "Collectivization and rural society of the Central Black Earth region (on the example of the Kursk region)." *News of the South-Western State University. Series: History and Law*, no. 2 (2012): 167–173 (in Russian).
- Vyguzov, A.A. "Osobennosti razvitiia kolkhozov v vosstanovitelnyi period novoi ekonomicheskoi politiki (na primere Inzhavinskoi volosti Kirsanovskogo uyezda Tambovskoi gubernii) [Features of the development of collective farms during the reconstruction period of the New Economic Policy (on the example of the Inzhavinsk origin of the Kirsanovsky district of the Tambov province)]." In *Problemy agrarnoi istorii Rossii: Materialy V Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (pamyati professora V.M. Vazhinskogo)*, 144–149. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet imeni P. Semenova-Tyan-Shanskogo Publ., 2023 (in Russian).

Информация об авторах / Information about the authors

Вадим Павлович Николашин, доктор исторических наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина; Россия, 392000, Тамбов, Интернациональная улица, 33; nikolashin.vadim@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3595-8556>; SPIN-код: 2754-9940.

Vadim Pavlovich Nikolashin, Dr. Habil. Hist., Associate Professor of the of History and Philosophy Department, Tambov State University named after G.R. Derzhavin; 33, Internationalnaya Str., Tambov, 392000, Russia; nikolashin.vadim@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-3595-8556>; SPIN-code: 2754-9940.

Владимир Борисович Безгин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии, Тамбовский государственный технический университет; Россия, 392000, Тамбов, ул. Советская, 106/5, помещение 2; vladyka62@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>; SPIN-код: 4643-0347.

Vladimir Borisovich Bezgin, Dr. Habil. Hist., Professor of the of History and Philosophy Department, Tambov State Technical University; room 2, 106/5, Sovetskaya Str. Tambov, 392000, Russia; vladyka62@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7074-6823>; SPIN-code: 4643-0347.

Александр Борисович Оришев, доктор исторических наук, доцент кафедры истории, Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К.А. Тимирязева; Россия, 127434, Москва, ул. Тимирязевская, 49; orishev71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1953-9543>; SPIN-код: 2486-2813.

Alexander Borisovich Orishev, Dr. Habil. Hist., Associate Professor of the History Department, Russian State Agrarian University – Moscow Timiryazev Agricultural Academy; 49, Timiryazevskaya Str., Moscow, 127434, Russia; orishev71@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1953-9543>; SPIN-code: 2486-2813.